

УДК 94 (575.2) (04)

**УРОКИ ПРОШЛОГО НЕ ЗАБЫТЫ:
ПУТЬ ОТ “СОЦИАЛ-ТУРАНСКОЙ ПАРТИИ”
К ПАРТИИ “ТУРАН”**

П.И. Дятленко – аспирант

In this article narrates by the ground of new archive documents about unknown details of story of the Social-Turan party. It's very interesting question because this organization don't be existing in our country in the 30s of the XXth century.

В настоящее время в Кыргызстане зарегистрировано более ста политических партий, среди которых есть партия “Туран”. Эта молодая политическая организация приняла активное участие в последних выборах в парламент республики, прошедших в декабре 2007 г. и проводившихся впервые только по партийным спискам. И хотя по их итогам она не получила необходимого количества голосов избирателей для получения депутатских мест, но привлекла к себе общественное внимание и доказала свою перспективность и жизнеспособность как независимая политическая партия, способная внести весомый вклад в становление и развитие многопартийной системы в Кыргызской Республике. В определенной мере это было связано с использованием сходства названия и ряда предложенных целей, задач и лозунгов с Социал-Туранской партией, о которой расскажем подробнее.

В истории массовых политических репрессий, проводившихся в нашей республике (как и по всему СССР) в 1930-х гг., есть один трагический эпизод, по поводу которого и в наши дни существует много нерешенных вопросов, споров, сомнений и неясных моментов в среде ученых-обществоведов и политиков. Это история связана с раскрытием и уничтожением Социал-Туранской партии.

По версии следователей НКВД, СТП была создана в 1929 г. Султаном Курмановым, Аджиманом Курмановым и Турды-Ахуном Сопиевым, которые потом привлекли Абдыкерима Сыдыкова и ряд других лиц. Эта “антисоветская организация”, по мнению следствия, ставила своей целью вооруженное восстание против Советской власти в республике, а при его неудаче – эмиграцию в Китай для продолжения там антисоветской деятельности [1: 249]. Информация о деятельности СТП стала поступать от осведомителя в НКВД еще в 1932 г. [2: 11–12]. Примечательно, что к моменту ареста участников организации в 1933 г. инициативная группа успела провести всего несколько встреч. Распространение влияния СТП объяснялось сложной социально-политической обстановкой, имевшей место в республике в 1931–1932 гг. Имели место вооруженные выступления в 1929 и 1932 гг. на почве сопротивления мероприятиям, направленным на “ликвидацию байства как класса”, сопряженные с нападениями и убийствами советских работников и красноармейцев-пограничников. Однако основной причиной было проведение коммунистической партией жесткого политического курса (ускоренная индустриализация, массовая коллективизация, культурная революция), приведшего к усилению противоречий внутри общества, росту напряженности в раз-

личных слоях населения. В 1932 г. республика столкнулась с недостатком продовольствия (в первую очередь, зерна) и массовым притоком беженцев из объятого голодом Казахстана [2: 21]. Одновременно происходило расширение и усиление абсолютной власти лидеров коммунистической партии, проявлявшееся в развертывании политических кампаний по поиску “врагов народа” и т.д.

В 1933 г. Особым отделом Среднеазиатского военного округа ПП ОГПУ были арестованы лица, входившие в руководящий центр СТП. В последующем были также арестованы члены филиалов СТП в отдельных районах Киргизской ССР. Таким образом, СТП как организация была полностью ликвидирована.

По делу СТП в 1933 г. было первоначально привлечено 23 человека, со временем количество репрессированных росло, так как по воле следователей “появились” региональные филиалы партии, а в 1937–1938 гг. аресты приобрели массовый характер [2: 44]. По Сталинскому (ныне Московский) району Чуйской области было привлечено 116 человек, часть из которых была освобождена за недостаточностью собранных доказательств для предания их суду. Судили 61 человека (это были неграмотные или малообразованные люди, в основном крестьяне, чабаны, связанные с руководителями СТП, скорее всего, узлами родства или землячества). В отношении остальных участников организации СТП дела велись отдельно по районам и рассматривались на заседаниях “тройки” ПП при ОГПУ в Средней Азии [1: 251–252].

Однако до сих пор идут споры о факте существовании партии и ее деятельности. На этот вопрос не раз пытались найти ответ и государственные структуры, и отдельные ученые. Впервые название “Социал-Туранская партия” стало упоминаться именно во время допросов. Порядка приема в организацию, каких-либо прав и обязанностей, налагаемых членством, практически не было. В протоколах допросов обвиняемых в отношении вербовки в СТП показания изложены по упрощенной схеме: “Меня в СТП завербовал такой-то, а я завербовал еще ряд лиц...”. Какое содержание вкладывалось в слово “завербовал”, что это означало, где, когда, каким образом

происходили вербовки, не указывалось, и понять это из материалов дела не представляется возможным. Следовательно, эти показания можно подвергать справедливым сомнениям из-за их общего, расплывчатого характера и неконкретности.

В чем выражалась практическая деятельность организации кроме вербовки новых членов из материалов дела также неясно. Правда, имеются единичные показания о том, что были попытки сбора денежных средств на нужды организации, имелись точки, где якобы хранилось оружие. Но о местах хранения, количестве, наименовании оружия и его изъятии никаких письменных данных в материалах дела не имеется.

Все это дало основание Военному трибуналу Туркестанского военного округа в 1958 г. отменить Постановление коллегии ОГПУ от 28 февраля 1934 г. в отношении А. Сыдыкова и других за недоказанностью предъявленного им обвинения, вследствие чего они были полностью реабилитированы. В 50-х – 60-х гг., в годы хрущевской оттепели, было реабилитировано подавляющее количество членов СТП, как правило, за отсутствием состава преступления в их действиях. На 1 июня 1989 г. все лица, обвинявшиеся в принадлежности к СТП, были полностью реабилитированы.

Это позволяет полагать, что СТП как партии не существовало в Киргизской ССР. Однако на основании показаний обвиняемых по этому делу, подлинность которых в настоящее время подтвердить или опровергнуть не представляется возможным, можно предположить, что была определенная группа лиц, которые в силу своего социального положения и негативного отношения к ним Советской власти не поддерживали различные мероприятия партии и правительства, имели свое мнение о путях экономического и политического развития республики. Это могло быть использовано НКВД для обвинения их в принадлежности к так называемой тайной организации СТП [1: 250–251].

Делая выводы о существовании или отсутствии организации, именуемой СТП, следует также учитывать имеющиеся различные мнения по этому поводу ведущих историков республики. Так, бывший директор Института

истории АН Киргизской ССР академик С. Табышалиев и директор Института истории партии при ЦК КП Киргизии Д. Джунушалиев (ныне директор Института истории НАН КР) независимо друг от друга высказали соображение о том, что к СТП необходимо подходить не только с правовой точки зрения. Целесообразно более углубленно исследовать и документально подтвердить проходившие в то время в республике социально-экономические преобразования и их влияние на различные слои населения, наличие межпартийных группировок и борьбы между ними за власть в республике, характер межродовых отношений и возможность их влияния на события, происходившие в республике. По их мнению, только при комплексном, углубленном подходе к этому вопросу можно ответить с большей или меньшей степенью достоверности, почему определенные лица среди кыргызов, в том числе значительное количество руководящих работников республики, были репрессированы как члены так называемой СТП, как могло такое произойти и кому это было выгодно...

Академик В.М. Плоских придерживается мнения о существовании только группы недовольных практической реализацией политики партии в республике. По вопросу существования СТП как партии он пишет: “... это был ее зародыш, который тут же, на корню, подрубили” [2: 29].

Хрущевская оттепель значительно ослабила атмосферу страха и подозрительности, которая сковывала на протяжении многих лет советское общество. Начался и стал постепенно набирать обороты процесс реабилитации репрессированных по политическим мотивам. В связи с этим из небытия вновь появилась Социал-Туранская партия, которую чаще в документах именовали коротко – СТП – или более расплывчато, обтекаемо – “контрреволюционная организация”, зачастую добавляя еще ряд характерных для той эпохи “отягчающих” определений (“пантюкистская”, “буржуазная”, “националистическая” и др.). И тогда же впервые был поставлен вопрос – существовала ли в принципе эта организация, по обвинению в членстве которой была репрессирована большая группа высших партийных руководителей и простых граждан республики в 1934 и 1937–1938 гг.?

18 ноября 1955 г. начальник отдела КГБ при Совете Министров Киргизской ССР Д. Малабаев направил первому секретарю ЦК КП республики И.Р. Раззакову сообщение по поводу реабилитации бывшего Председателя ЦИК Киргизской ССР А. Орозбекова. 30 марта 1956 г. первый секретарь ЦК КП передал его членам бюро ЦК для ознакомления и последующего рассмотрения на бюро ЦК КП республики.

В этом документе имеется интересный отрывок: «Основным обвинением Орозбекова явилось то, что он якобы состоял членом контрреволюционной организации “СТП” и проводил вредительскую деятельность. По материалам следствия виновность Орозбекова в этом не доказана. Обзор по его делу при этом прилагается.

Есть основание утверждать, что злейшие враги народа, в то время пробравшиеся к руководству НКВД Киргизской ССР, Лоцманов (бывший нарком) и его сообщники применяли извращенные методы следствия и, фальсифицировав следственные материалы, добились снятия с поста Председателя Центрального Исполнительного Комитета Орозбекова Абдыкадыра и его ареста...

Прошу рассмотреть мое сообщение и дать указание о создании специальной комиссии для изучения всех материалов в отношении Орозбекова Абдыкадыра на предмет решения вопроса о возможности его реабилитации» [3: 68].

10 октября 1956 г. Иса Коноевич Ахунбаев, член Центрального Комитета Коммунистической партии республики, крупный ученый и врач, направил в бюро ЦК КП Киргизии заявление следующего содержания:

«Считаю своим партийным долгом обратиться в бюро ЦК КП Киргизии по одному важному вопросу, касающемуся истории киргизской партийной организации и киргизского народа.

Известно, что в 1937–1938 гг. органами госбезопасности было арестовано значительное число партийных, советских активистов и интеллигенции, начиная от представителей республиканских организаций и кончая сельскими.

Большинству работников киргизской национальности, в том числе и мне, было предъявлено тяжкое политическое обвинение в при-

надлежности к контрреволюционной националистической организации, так называемой “социал-туранской партии – СТП”.

Специально созданный для заключенных тюремный режим и не советские, а фашистские методы ведения следствия врагами народа – бывшим в то время наркомом внутренних дел Киргизской ССР Лоцмановым и его ставленниками вынуждали их “признать” это тяжкое обвинение. В том числе признавал и я, хотя о существовании такой организации до ареста не знал и членом ее никогда не состоял. Вполне уверен и не сомневаюсь, что и другие обвиняемые признавали так же, как и я, вынужденно наговаривали на себя. Такая контрреволюционная националистическая организация не существовала.

Группа работников (около ста человек) по этому делу была осуждена в конце 1938 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР за один или два вечера в присутствии бывшего секретаря ЦК КП (б) Киргизии А.В. Вагова (на многих он давал санкцию на арест), и подсудимые были приговорены к различным наказаниям, а абсолютное большинство – к расстрелу.

При объективном судебном разбирательстве вряд ли возможно было за 1–2 вечера изучить и дать правильную оценку на такое количество судебных дел по ст. 58.

Значительная часть этих осужденных людей была примерно моего возраста, воспитанная только в советский период Коммунистической партией и комсомолом, получивших образование в советских школах в процессе ожесточенной классовой борьбы того времени, великолепно разбирающиеся в судьбе киргизского народа до и после октябрьских событий, видевшие счастье своего народа только в социалистическом и коммунистическом строительстве, в великой братской дружбе народов СССР. У них не было никаких объективных условий, чтобы стать на вражеский путь – против советского строя и Коммунистической партии, членами которой они состояли. Можно прямо заявить, что ими было многое сделано по укреплению советского строя, по развитию экономики и культуры в Киргизстане. Однако не исключена возможность, что среди них были и антисоветски настроенные элементы...

Руководствуясь интересами правильного научного освещения истории партии и народа, прошу бюро ЦК КП Киргизии специально изучить этот вопрос, дать объективную оценку и разъяснить киргизской партийной организации, что на территории Киргизской ССР контрреволюционной националистической организации – “СТП” не существовало» [4: 58–60].

О многом заставляют задуматься формулировки, которые употреблялись партийной комиссией при ЦК КП республики при посмертной партийной реабилитации Касыма Тыныстанова в 1959 г. В частности, в справке о реабилитации говорится:

«...Тыныстанов при аресте 1 августа 1937 г. был признан виновным в том, что он с 1921 г. являлся участником антисоветской националистической организации “Алаш-Орда”, а впоследствии якобы вошел в состав антисоветской буржуазной националистической организации “СТП”, якобы действовавшей в Киргизии, входил в состав руководящего центра этой организации и вел подрывную деятельность на идеологическом фронте, протаскивал в своих литературных произведениях контрреволюционные националистические идеи. За все это 5 ноября 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР Тыныстанов был осужден к ВМН – расстрелу.

1 октября 1957 г. Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев протест Главного Военного прокурора и согласившись с его доводами, постановила приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 5 ноября 1938 г. в отношении Тыныстанова Касыма отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Рассмотрев ходатайство семьи Тыныстанова и учитывая, что уголовное дело по обвинению Тыныстанова Военной коллегией Верховного суда СССР прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления... – бюро ЦК КП Киргизии решением от 22 января 1958 г. реабилитировало Тыныстанова в партийном отношении (посмертно)» [5: 85].

На основании всестороннего изучения новых и опубликованных архивных документов можно сделать вывод: Социал-Туранской партии как централизованной политической организации, обладающей всеми обязательными ат-

рибутах партии, не существовало. В лучшем случае могла существовать лишь небольшая неорганизованная группа лиц, недовольных сложившейся ситуацией в стране. Рассматривать ее в качестве мощной, централизованной антисоветской организации невозможно.

Все дело о СТП базировалось только лишь на протоколах допросов и свидетельских показаниях. Никаких достоверных письменных, документальных доказательств к настоящему времени не было найдено. Даже само название организации появилось во время ведения следствия. В ходе того же следствия оказались безвозвратно “утрачены” основополагающие документы СТП – программа и манифест партии.

Проходившие по делу о СТП подследственные описывали свою деятельность готовыми формулировками из УК РСФСР (в редакции 1926 г.), словно изо всех сил “помогая” следователям квалифицировать их действия по печально известной 58-й статье.

Необходимо учитывать, что органам НКВД выгодно было разоблачить именно “контрреволюционную организацию”, “врагов народа”, а не группу недовольных негативными последствиями практической реализации сталинской политики в республике. После разоблачения такой организации органы госбезопасности получили удобный и раскрученный ярлык, который можно было в массовом порядке навешивать на многих, подвергавшихся репрессиям.

Если бы подобная организация существовала в действительности и ее члены занимались именно той деятельностью, в которой они “признавались” во время следствия, то ее члены были бы без промедления арестованы органами НКВД и подверглись бы более жестокому наказанию, чем просто длительные сроки наказания (в 1934 г. они получили от трех до десяти лет исправительно-трудовых лагерей или ссылки, только А. Шабданов был приговорен к расстрелу). Тем более, нужно помнить, что еще во время первого следствия по СТП часть обвиняемых была освобождена за недостаточностью собранных для их судебного преследования доказательств.

В ходе проведения реабилитации репрессированных по обвинению в причастности к СТП выяснилось, что следствие и в 1934 г., и в 1937–

1938 гг. проводилось с многочисленными и разнообразными нарушениями законности и процессуальных норм. Следствие носило односторонний, тенденциозно обвинительный характер, что подтверждают упомянутые выше документы. Достаточно вспомнить способы дознания, использовавшиеся против А. Орозбекова, И.К. Ахунбаева и многих других. Хотя применение подобных мер санкционировалось одним из секретных циркуляров 1937 г.: “ЦК ВКП (б) считает, что методы физического воздействия должны как исключение и впредь применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае как допустимый и правильный метод” [2: 81]. Исключение быстро стало правилом...

В настоящее время процесс восстановления исторической справедливости, несмотря на существующие сложности доступа специалистов к рассекреченным архивным фондам и наличие засекреченных документов по репрессиям и последующей реабилитации, продолжается.

8 июля 2000 г. в с. Чон-Таш Аламудунского района Чуйской области, что в 30 км от г. Бишкек, был открыт первый мемориальный комплекс “Ата-Бейит”, призванный сохранить память о жертвах массовых политических репрессий сталинской эпохи.

В комплекс входят скульптурная композиция и музей общей площадью два гектара. В составе скульптурной композиции: печь по обжигу кирпича – место, где были расстреляны и первоначально захоронены 137 человек; памятник-мемориал (8 сентября 1999 г. здесь были перезахоронены 137 человек, в числе которых и те, кого репрессировали за “создание и руководство” Социал-Туранской партией). В музее “Ата-Бейит” (площадь – 400 м²) представлены документы и фотографии политического развития Кыргызстана 1920–1930-х гг., материалы о жертвах Чон-Ташского захоронения [6].

Этот комплекс был построен по инициативе президента Кыргызской Республики А.А. Акаева на средства правительства республики.

Общественность республики также не осталась в стороне от этого благородного и необходимого дела. В качестве примера можно привести одну из молодых политических ор-

ганизаций, взявшей в качестве названия термин “Туран” и включившей в свою программу ряд целей, задач и лозунгов, связанных с Социал-Туранской партией. Подобные действия вызваны стремлением не только показать преемственность поколений в деле борьбы за свободу и право осознанного выбора будущего, но и сохранить и дальше развивать идеи, которых придерживалось первое поколение свободно мыслящей интеллигенции республики, ставшее жертвой политических преследований со стороны тоталитарного государства по надуманным предложениям.

Литература

1. Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. – М.: Восточная литература, 2002.
2. Плоских В.М. Манас не признал себя виновным. – Бишкек: Илим, 1993.
3. ЦГА ПД КР. Ф.56. Оп.4. Д.1059. Л. 66–71. Подлинник.
4. ЦГА ПД КР. Ф.56. Оп.4. Д.1070. Л. 58–60. Подлинник.
5. ЦГА ПД КР. Ф.56. Оп.4. Д.1187. Л. 83–85. Подлинник.
6. <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/pam-card.xtml?id=357>